

кн. обозрение — 1999 —

5 янв. (№1)

с. 14-15,

23

МИХАИЛ ЗЛАТКОВСКИЙ:

«КАРИКАТУРА СЕБЯ НЕ ИСЧЕРПАЛА!»

МИХАИЛ ЗЛАТКОВСКИЙ известен даже тем, кто никогда не слышал его имени. Его блестящие карикатуры сперва, как и водится в России, пришли к западному читателю и лишь в начале восьмидесятых — к советско-российскому. В 1992—1993 гг. в результате опроса профессионального мнения среди художников всего мира Златковский признан «Лучшим художником всех времен и народов». Его персональные выставки прошли по всему миру; он — член и президент многочисленных жюри; французская Академия художеств избрала его своим членом... В творческом активе Михаила Златковского 150 международных премий за карикатуры, дизайн, плакат и анимацию. В последние годы художник жил в США. Сейчас работает в России главным художником «Литературки».

— Михаил, несколько лет имя художника Златковского, бывшее на слуху у россиян, вдруг исчезло из поля зрения. Потом выяснилось, что Михаил Златковский живет в США. Что произошло?

— В начале 90-х оказалось, что все, что я делаю, никому не нужно: я сделал 11 книг. Они не вышли. Надо было предпринимать какие-то шаги. Я авантюрист! Мне всегда чего-то мало. Вот и подумал: а почему бы не начать все сначала — в другой среде? Меня пригласили прочитать в нескольких университетах на Восточном побережье США курс лекций о подпольном искусстве 70—80-х годов. Так с 1993 года я оказался в Штатах. Это совершенно другая страна. Карикатура здесь — самый развитый и самый высокооплачиваемый жанр. Считается, что карикатурист — третий человек по популярности после президента и звезды Голливуда. Если у нас можно по пальцам пересчитать — Меринов, Бильжо, Куксо, то в США популярных ежедневно рисующих художников-карикатуристов, наверное, 500—600 человек. Все они — с очень большими зарплатами. Несмотря на то, что я был в США известен как ведущий художник — своими рисунками, наградами, чествованиями, — сразу сработал закон рынка. Сначала полгода кормили обещаниями, потом однозначно сказали: место, на которое ты претендуешь, мы сами ждем всю жизнь. Уезжай

обратно в Москву. Для нас ты останешься самым лучшим русским коллегой и товарищем, и мы сделаем все для того, чтобы ты сюда приезжал, устраивал выставки, но здесь на рынке тебе места нет. Я не очень-то переживал по этому поводу, потому что мне не очень интересно рисовать политические карикатуры в западной манере. Она достаточно беззлобна. С самого начала у меня была нормальная работа: я был главным художником в одной крупной американской газете, наслаждался новой спокойной жизнью — без проблем, без бандитов, без грязи на улицах, с хорошими полицейскими. Первый год был просто годом сплошного кайфа, сплошного счастья. Я страдал всю свою жизнь от московских дождей и зим, а здесь попал в вечное лето и ходил весь год в шортах. Второй год — это уже год анализа. Третий год — год приговора, вынесенного совершенно однозначно и совершенно отрицательно Соединенным Штатам. Это страна плебеев. Все, что мы знаем об Америке, — это романтические представления, сформированные американскими фильмами. В США ставят фильмы про американскую мечту — о том, как может быть хорошо с девушкой, с которой ты знакомишься в баре и которая отдается тебе через 15 минут... Более чудовищной сказки трудно себе представить в реальной Америке.

— Через 16 минут?

— Нет! Никогда! Более того, ты даже не можешь ей ничего предложить, потому что она моментально пригласит полицейского, обвинит тебя в сексуальных домогательствах...

— ...и предъявит платье в пятнах. Наверное, там теперь у каждой девушки есть наготове такое платье.

— Да-да... Но опыт, который я получил там как художник, конечно, совершенно колоссальный. Я поработал в американской печати. Я знаю, как делается настоящая современная газета. Причем я имею в виду не только компьютерную технику, обеспечение, организацию производства, служебные взаимоотношения, а еще и то, что такое западная журналистика...

— Это было для кармана! А чем занимался Златковский в США для души?

— Если я чем-то серьезно и занимался пять с половиной лет в Америке, так это играл в теннис. Я перечитал все, что мог, об игре в теннис. Восемь лет в России я был профессиональным тренером, воспитал нескольких чемпионов по теннису среди детей — еще Советского Союза. Сам я не обладал ни одним званием, даже III юношеским разрядом. У нас же сложилось такое положение вещей, при котором для того, чтобы быть нормальным тренером, надо было заканчивать институт, играть, как минимум, на уровне мастера спорта. Я же ничем этим не обладал. Впрочем, своя система у меня была. Так вот, в Америке я наконец дорвался до тенниса.

— И кого же ты тренировал?

— Я тренировал свою любимую жену, которая стала моей самой выдающейся ученицей. Может быть, только потому, что она — абсолютно не способная к спорту, никогда не выходившая на спортивную площадку — будь то волейбольная, баскетбольная, тем более теннисная. Пять лет занятий с этой девушкой кончились тем, что она игра-

ла «вторым номером» за местный университет — Сан-Диего Сити колледж. Раскрою один секрет: у меня были очень хорошие ученики, но эта ученица — самая выдающаяся. Только потому, что основа методики тренировок с ней вся зиждилась на одном самом важном понятии, без которого ничего в спорте не сделаешь, — на любви, безропотной, слепой любви к тренеру.

— Стало быть, твоя рука в США держала только ракетку?

— Нет, конечно! В свободное время я рисовал. Я впервые дорвался до большого формата. Здесь — абсолютно «открытое» общество. Я свободно получал информацию, выбирал конкурсы, выставки, куда можно послать свои работы. У меня была стабильная работа, которая позволяла совершенно спокойно жить, не зарабатывать какие-то «левые» деньги. У меня и в России были мастерские, но у всех них была чудовищная судьба: одну подожгли, другую обворовали, третью уничтожили... В Америке существует нормальная частная собственность. Покупение на нее равносильно подписанию самому себе смертного приговора... Так вот, мне захотелось использовать большой формат и сделать в нем многие свои разработки, которые писались только в черном белом маленьком виде. Я начал делать ту серию, о которой мечтал всю свою жизнь.

Здесь надо сделать экскурс в детство и юность: моя профессиональная карьера художника началась с двух-трехлетнего возраста, когда я стал рисовать на стенах квартиры, где мы жили, автомобиля. Именно в то же самое время началась и моя профессиональная карьера маргинала-диссидента. Я сразу понял: моя собственная воля и влияние в виде рисования там, где я хочу, и того, что я хочу, вступают в противодействие и жуткое столкновение со средой. Среда (тогда она называлась

папа и мама) этого не потерпела. Меня выпороли, поставили в угол, надрали уши и запретили рисовать. В ответ я стал рисовать на асфальте. Так началась моя жизнь в искусстве: все свое детство рисовал в бесконечных стенных газетах, у девочек в альбомах. Если нужно было сделать по заказу приятелей порнографические рисунки, рисовал на заборах Бутырского хутора. Очень сильно врезалось в память рисование модели для ручки пластмассовой расчески — контур женщины, которая в ногах держит эту самую расческу. В то время это было очень популярное занятие. Потом по этим бесконечным шаблонам старшие ребята, работавшие в послевоенные годы на заводах или учившиеся в «ремеслухе», вырезали расчески и подарили человечеству огромное количество таких женских силуэтов. Это были послевоенные годы, когда я жил в самых, наверное, экзотических районах Москвы — Бутырский хутор, Соломенная сторожка, Марьяна роща. Мне было хорошо известно, что такое шпана из Сокольников или шпана из Измайлово. Вся жизнь как нормальный мужчина и как нормальный человек я думал об эротическом начале. Дуализм между мужским и женским началом представляет не только мое восприятие великой китайской философии доисторических времен, но и личностное представление о женщине в моей жизни.

Так получилась книга, которую мне хотелось бы издать.

— Нашлись ли издатели?

— Конечно, нет. Надо найти спонсоров, потому что это достаточно дорого, работы больше живописные, книга должна быть большой по формату, с большим количеством текста, сносок, справок.

— Почему ты не выпустил эту книгу в США?

— В Америке это невозможно! США основали пуритане. Здесь

